

ЧИТАТЕЛЬ, наверное, уже знает, что в сталинских лагерях правило «хорошего тона» считалось иметь если и не театр, то уж во всяком случае художественную самодельность. «Первые лица» Соловков в этом смысле превзошли многих своих коллег. На территории лагеря действовал роскошный по составу театр с огромной труппой. В нем представляли оперу и оперетту, драму и балет. Естественно, для высоких гостей с материка был дан особый концерт. Перед Ягодой и прочими хор из ста человек пел арию «Клевета» из «Дона Базилио». Слава богу, слушатели оказались невеждами, и жизни отчаянных смельчаков были спасены.

Тут самое время обрушить свой праведный гнев на проклятую машину сталинизма, перемоловшую в своих жерновах миллионы жизней и судеб, на дисциплинированных «механиков», аккуратно смазывавших колесики и винтики дьявольского механизма, на принципиальных «дирижеров», припрятавших до времени французские галлифы и мечтающих о пюпитре, чтобы затеять новый концерт для гильотины с оркестром.

Но предмет этой статьи требует не столько публицистических размышлений вообще, сколько конкретного решения конкретной проблемы. «Враги народа» не только пели и танцевали в лагерях, и не только в Соловецких. «На местах» изо дня в день велась кропотливая работа по выявлению шпионов, вредителей и всяческих отступников. Одна из основных цитаделей НКВД на Украине известна сегодня как Октябрьский дворец культуры Республиканского совета профсоюзов.

История здания, в котором сейчас расположен Октябрьский дворец, началась красиво и благородно. В конце 30-х годов XIX века по инициативе киевского генерал-губернатора графа Левашевича началось строительство Института благородных девиц. Ратующийся за просвещение и культуру граф выделил для этих целей 230 тысяч рублей. Благотворительность тогда была в моде, пожертвования сделали и другие состоятельные люди города.

Проект здания выполнил известный зодчий, академик архитектуры В. И. Беретти. Строительство велось с 1839 по 1843 год и совпало по времени с интенсивной застройкой Киева. В основу проекта положены композиционные приемы и формы русского классицизма.

«Иллюстрированный путеводитель по Киеву», составленный К. Свирским и изданный Ч. А. Яцешским в 1901 году, сообщает, что всего в институте обучались и проживали 300 девушек. За семь лет барышни получали образование, вполне соответствующее понятию «благородный»: от вышивания до иностранных языков и от верховой езды до музицирования. Кстати, при институте находилась своя конюшня, так как для поступления девушке непременно надо было иметь лошадь. Замечу еще, что улица, на которой расположился институт, вскоре тоже стала называться Институтской.

После революции барышень, естественно, разогнали. Институт благородных девиц упразднили, а здание приспособили под Окружной хозяйственный комитет. Краткий справочник 1919 года сообщает, например, в какой комнате комитета можно было справиться о банно-прачечном хозяйстве, по какому номеру позвонить руководству извозчиков, а по какому пожаловаться на низкое качество хлебопекарных изделий. Классы, внимавшие шуршанию кружев, французской речи и этюдам Генделя, наполнились густым дымом самокруток и крепкими выражениями ваятелей светлого будущего.

Народный комиссариат внутренних дел расширился «по мере продвижения к социализму и обострения классовой борьбы». Уже в его распоряжении не несколько комнат, а целое здание. С начала 30-х годов информация о бывшем Институте благородных девиц исчезает. Справочники-путеводители, различные исторические свидетельства не содержат и намека на существование этого огромного помещения. Только после войны появляется брошюра, сообщающая, что «большой, светлый, удобный дом был использован под разные советские учреждения, которые размещались в нем до начала Великой Отечественной войны. Но никаких изменений ни во внешнем облике, ни в планировке здания не произошло». Во время войны центральная часть заднего фасада и юго-восточное крыло взорваны.

Такая информация вряд ли бы вызвала интерес или подозрения исследователя, и слухи о темном прошлом Октябрьского дворца еще долго оставались бы слухами, если б не письмо правления Киевского отделения Украинского фонда культуры.

«В президиум правления Киевского городского отделения Украинского фонда культуры, — говорится в нем, — продолжают поступать запросы от родных и близких работников искусства, литературы, кино, замученных в 30-е годы в помещениях НКВД, где сейчас размещается Октябрьский дворец культуры в г. Киеве.

В. П. Тимошенко я встретила с Галиной Борисовной Левитской, отец которой был репрессирован и сидел, а, возможно, и погиб в здании Октябрьского дворца, занимаемого в то время центральным аппаратом НКВД.

Борис Порфирьевич Левитский был талантливым композитором и дирижером, основателем и вдохновителем капеллы «Революционного украинского хора», пользовавшейся огромной популярностью и любовью народа. Сейчас название капеллы ни о чем не говорит даже специалистам, а в 20-е—30-е годы ни одно ее выступление, ни один гастроль не оставались незамеченными.

История, рассказанная Ромеом Ролланом в одной из своих книг, возможно, показалась бы смешной, если б не была так печальна. В один из приездов в Советский Союз (или 30-е годы) писателя пригласили совершить поездку на Соловецкие острова. Он дал согласие, и вскоре «группа товарищей» во главе с Ягодой отправилась по назначению.

Концерт для гильотины с оркестром

...Сознательная общественность города, республика считает справедливым снять с фасада упомянутого строения, запятнанного кровью жертв сталинизма, название «Октябрьский дворец культуры» и установить название «Мемориал», отвечающее правдивой истории этого сооружения и истории нашего города.

В помещениях Мемориала должны быть развернуты экспозиции жизненного и творческого пути деятелей искусства, жертв сталинских репрессий... В помещениях Мемориала, в котором кремировались останки жертв репрессий, должны быть воссозданы макеты печей и приведены документы из государственных архивов».

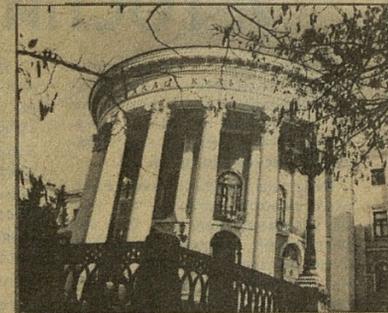
Письмо, как видим, конкретных фактов и свидетельств не содержит, но дает своего рода «наводки». С помощью заместителя председателя правления

О деятельности капеллы много писали газеты и журналы, а празднование 25-летия творческой деятельности В. П. Левитского в 1928 году стало настоящим событием в музыкальной жизни республики. С арестом Бориса Порфирьевича капелла прекратила свое существование, тем самым была вычеркнута яркая страница из истории украинской культуры.

«Отец арестовали в ноябре 1937 года, — вспоминает Галина Борисовна. — Кто на него донес, за что его расстреляли, я не знаю. Отец сидел в камерах нынешнего Октябрьского дворца. Я носила в положенный срок передачи и даже один раз его видела. Свидание проходило в специальной комнате — не очень большой, с перегородкой, в присутствии следователя. Я очень волновалась, плакала, а когда отца увидела, следователь еще смеялся: «Что вы переживаете, он здесь как на курорте». Так я ходила к дворцу около девяти месяцев. Заходить надо было с правого парадного входа и

ждать, когда примут передачу. Часто встречала там знакомых из семей музыкантов, писателей, киевской профессуры, которые тоже носили передачи и надеялись на встречу со своими родными и близкими. Однажды передачу у меня не приняли. Сказали, что отца перевели в Москву. С тех пор я о нем ничего не знала, вплоть до 1956 года, когда пришла реабилитация. Теперь-то я догадываюсь, что это за «Москва» была — возили расстреливать в Быковню».

Следственная группа, которая вела Быковнянское дело, «вышла» и на Октябрьский дворец культуры. Свидетелями по делу проходили бывшие ра-

Из свидетельств очевидцев, репрессированных в 30-е годы, мы приблизительно представляем «внутренний уклад жизни» Бутырской и Лефортовской тюрем, десятков лагерей. Что происходило в здании нынешнего Октябрьского дворца? Ни одного свидетеля из числа заключенных разыскать пока не удалось. Конечно, на это есть свои причины.

Сегодня уже известно, что Октябрьский дворец не случайно упоминается рядом с печально известной Быковней. Между двумя этими точками существовала тесная связь. Людей расстреливали не только в Быковне, но и в помещении нынешнего Октябрьского дворца, а уже оттуда трупы перевозили в Быковню. Следственная группа городской прокуратуры подтвердила этот факт.

Во время войны, как уже говорилось, здание было серьезно повреждено, и в 1952 году началась его реконструкция. Решением Верховного Совета УССР Октябрьский дворец культуры был передан Республиканскому совету профсоюзов. На сегодня в помещении имеется зрительный зал на 2200 мест (глубина сцены 10 метров), рядом флигель на 350 мест. Дворец обслуживают более 400 человек. В нем работают десятки кружков, студий, лекториев. После реставрации здесь «проводились пленумы, сессии Верховного Совета УССР, различные фестивали, гастроли лучших коллективов страны и т. д. и т. п.

Долг нашей совести — увековечить память не только деятелей культуры, но и всех погибших в застенках современного Октябрьского дворца. Надо бы установить в стене здания памятный знак или стелу, провести вечер Памяти, организовать постоянно действующую выставку. А вот как быть с остальными требованиями письма, подписанного председателем правления Киевского отделения Украинского фонда культуры? Достаточно ли они взвешены и продуманы?

Представьте себе те мрачные чувства, которые будут вызывать гигантский Мемориальный музей, каждой мелочью напоминающий о зверствах сталинизма и его жертвах. А где же искать место живым?

Боюсь, требуемый Фондом культуры мемориал ожидает трагический парадокс: вместо памятника светлой печали о погибших он станет мутным памятником самому сталинизму, что подчеркнет и внешний облик здания, архитектура реконструкции.

Приходилось ли вам замечать мрачную внушительность архитектуры сталинского типа? Мертвую непроницаемость стен, давящую силу колонн? «Шедевром» в этом смысле является здание, в котором сейчас находится ЦК ЛКСМУ. Наверное, это гигантское бездушное строение серого шинельного цвета было возведено для того, чтобы всяк, в него входящий, ощутил свое ничтожество и почувствовал могущество системы, располагающей такими вот огромными дотами.

Киевляне не понаслышке знают истинную цену мемориальным комплексам — стальная наша «мать» не дает забыть о десятках миллионов, высанных из города на удовлетворение высокопоставленных амбиций, и взращенного на конъюнктуре вкуса. Настояривает еще и тот факт, что Фонд культуры и Дворец культуры в процессе выяснения отношений часто выдвигают аргументы, за которыми стоят не только стремление к торжеству справедливости и полное бескорыстие.

Думается, здание Октябрьского дворца, 150 лет служившее культуре и просвещению столицы Украины и с этой целью построенное академиком Беретти, заслуживает в данном случае прощения и сочувствия, а не презрения и наказания. В конце концов бывший Институт благородных девиц в этой истории тоже оказался жертвой — ведь здания хозяев не выбирают.

За 70 с лишним лет борьбы за Советскую власть у нас столько пролили невинной крови, что мемориалы и пантеоны можно открывать на каждом шагу. Безусловно, мы должны свято чтить память павших, но делать это ради живых.

Возможно, кто-то из читателей «КЗ» мог бы помочь нам заполнить пропущенные страницы в истории Октябрьского дворца. Обращаемся с просьбой написать в редакцию, если вы располагаете какими-то сведениями.

В. СЕРИКОВА.

На снимках: Октябрьский дворец; капелла: в центре Б. П. Левитский, 1926 г.

Фото и репродукция О. Маркевича.

31/1-90.
Левитский В. П.